

Амбарцумов И. В. Священник Николай Гепецкий — русский националист и защитник церковных интересов в Государственной думе / И. В. Амбарцумов // Научный диалог. — 2019. — № 8. — С. 208—225. — DOI: 10.24224/2227-1295-2019-8-208-225.

Ambartsumov, I. V. (2019). Priest Nikolay Gepetsky — Russian Nationalist and Church Interests Defender in State Duma. *Nauchnyi dialog*, 8: 208-225. DOI: 10.24224/2227-1295-2019-8-208-225. (In Russ.).

УДК 94(47).083

DOI: 10.24224/2227-1295-2019-8-208-225

Священник Николай Гепецкий — русский националист и защитник церковных интересов в Государственной думе¹

© Амбарцумов Иван Владимирович (2019), orcid.org/0000-0001-9831-5745, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории для преподавания на естественных и гуманитарных факультетах, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия), ivanrusk@mail.ru.

Рассматриваются политическая деятельность и взгляды священника Николая Гепецкого в период его работы в качестве депутата III Государственной думы Российской империи. Уделяется внимание позиции Гепецкого по ряду вопросов, обсуждавшихся в Думе, в том числе по вопросу о благодарственном адресе императору, борьбе с пьянством, развитии системы начального образования, правах неправославных вероисповеданий, языке преподавания в начальных школах Бессарабии. Особое внимание уделяется усилиям Гепецкого по политическому сплочению думского духовенства, его борьбе за самостоятельность церковноприходской школы, выступлениям и статьям депутата-священника, в которых он позиционировал себя как русский националист. Актуальность исследования обусловлена ростом общественного интереса к проблеме взаимоотношений церкви и государства, острыми дискуссиями о роли религии в образовании, проблеме соотношения христианства и национализма. Новизна исследования видится в том, что оно является первой научной работой, специально посвященной Николаю Гепецкому, впервые дается анализ его политических взглядов, в научный оборот вводятся новые источники, в том числе статьи Гепецкого в прессе, архивные документы, отражающие его церковную карьеру и деятельность в Думе.

Ключевые слова: III Государственная дума; православное духовенство; русский национализм; клерикализм; церковноприходские школы; Бессарабия; национальная политика; Н. Е. Гепецкий; П. Н. Крупенский.

1 Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта 19-09-00096 «Российское православное духовенство и русский национализм в конце XIX — начале XX века».

1. Введение

Когда речь заходит о политической деятельности православных священнослужителей в предреволюционную эпоху, то многим вспоминается в первую очередь ленинская формула «черносотенное духовенство». Действительно, большая часть духовенства в начале XX века стояла на правых позициях, но отнюдь не все политически активные священники были черносотенцами. Существенную роль представители церкви играли и в движении русских националистов. Национализм эпохи «думской монархии» представлял собой умеренно правое течение, занимавшее в политическом спектре среднее положение между черносотенцами и октябристами [Иванов, 2008, с. 171—175]. Подъем русского национализма произошел в период деятельности III Государственной думы. В ней священники составляли 14 % фракции националистов и умеренно правых, а в IV-й Думе — 20 % [Санькова, 2006, с. 81]. Из духовных лиц, стоявших на позициях русского национализма, наиболее известен епископ Евлогий (Георгиевский), ведший в III Думе энергичную борьбу за интересы Холмской Руси. Было, однако, немало и других примечательных фигур. В их числе — бессарабец Николай Емельянович Гепецкий, которого правый депутат-священник Федор Никонович характеризовал как «одного из лучших из думской духовной среды оратора» [Никонович, 1912, с. 29]. Гепецкий упоминается в ряде работ, посвященных русскому национализму, деятельности Государственной думы и политической роли духовенства в начале XX века [Коцюбинский, 2001, с. 168, 408; Санькова, 2006, с. 124, 149; Иванов, 2018б, с. 154; Рожков, 2004, с. 134, 140, 141, 183, 320, 342, 343, 346—348, 353, 355, 441, 442; Седова, 2018а, с. 411, 415; Седова, 2018б, с. 113—114, 566—568, 571, 598—603, 643—645, 648—650], но ни в одном из этих исследований его личность и деятельность не рассматривается подробно. Основные вехи биографии бессарабского депутата-священника обозначены в справочной статье А. Б. Николаева [Николаев, 2008, с. 125]. Персоны Николая Гепецкого касается и молдавский историк А. К. Гросу в монографии, посвященной другому депутату от Бессарабской губернии — Д. П. Гулькину [Гросу, 2011, с. 17—24]. В настоящей статье рассматривается деятельность о. Н. Гепецкого в III Думе; анализируется его политическое мировоззрение на основе статей и выступлений в период 1907—1912 гг.

2. Старт политической карьеры о. Николая Гепецкого

Н. Е. Гепецкий родился 1 декабря 1869 года в Кишиневе. Его отцом был Емельян Авксентьевич Гепецкий — образованный священник-богослов, преподававший латинский язык в Кишиневском духовном училище

и занимавший там же должность смотрителя [Н. Л., 1885, с. 236—239; Савицкий, 1912, с. 1241—1242]. Другие родственники о. Николая также служили в Бессарабии в священном сане. В 1890 году Гепецкий окончил курс Кишиневской духовной семинарии и 2 декабря того же года был рукоположен в священники Рождество-Богородичной церкви г. Кишинева. 30 апреля 1893 года согласно его прошению о. Николай был переведен на священническое место в Покровской церкви села Старо-Казачье Аккерманского уезда Бессарабской губернии. Черты энергичного общественного деятеля проявились в Гепецком задолго до его избрания в Думу. Усилиями священника в Старо-Казачьем появилось несколько начальных учебных заведений (одноклассное училище и две церковноприходские школы — мужская и женская), была открыта касса мелкого кредита, почтовое отделение и больница. Отец Николай занимал разные должности в Аккерманском уездном училищном совете. С 1900 года он являлся депутатом от духовного ведомства в Аккерманском уездном земском собрании [РГИА, ф. 796, оп. 436, д. 1648, л. 1—4]. В состав I и II Государственных дум Гепецкий не избирался. Накануне выборов в III Думу в августе 1907 года в «Кишиневских епархиальных ведомостях» появилась за его подписью программная статья «Участие духовенства в предстоящих выборах в Государственную думу». О. Николай призывал духовенство проявить «корпоративную сплоченность», постараться провести в Думу максимальное количество депутатов от духовного сословия. Он сетовал на то, что при выборах в первые две Думы духовенство проявило пассивность и разобщенность, в результате чего его представителей избрано было мало. Разобщенности и инертности духовного сословия он противопоставлял организационную сплоченность политических партий и общественных организаций, продвигающих собственные интересы и своих кандидатов. Гепецкий призывал духовенство также сплоченно и согласованно поддерживать своих собратьев на выборах. Ближайшей задачей он называл выдвижение на предварительных съездах мелких землевладельцев максимальное количество выборщиков от духовного сословия. По сути, он выступал за то, чтобы все политически активные представители духовенства действовали как единая партия, отстаивающая церковные интересы. Статья содержала и ряд практических рекомендаций, касающихся организации предварительных съездов [Гепецкий, 1907, с. 985—991]. Выступление Гепецкого на страницах церковной газеты говорило о том, что его политическая активность получила поддержку церковного начальства. Кроме того, аккерманский священник заручился поддержкой влиятельнейшей политической группировки Бессарабии — Бессарабской партии центра,

от которой и баллотировался в Думу. Это была умеренно правая партия, занимавшая положение посередине между Союзом русского народа и Союзом 17 октября. Она была создана П. Н. Крупенским, помещиком и общественным деятелем, одним из представителей весьма разветвленного рода Крупенских, многие из которых тоже были крупными землевладельцами [Иванов, 2010, с. 258]. Партия центра, по сути, продвигала интересы клана Крупенских, который в значительной мере держал в своих руках общественную и политическую жизнь Бессарабии. Поддержка этого клана обеспечивала хороший старт политической карьере священника Гепецкого. Вскоре после выхода упомянутой статьи в «Кишиневских епархиальных ведомостях» о. Николай стал выборщиком от Аккерманского съезда уездных землевладельцев [РГИА, ф. 1278, оп. 9, д. 176. Л. 4], а затем, 8 ноября 1907 года — членом Государственной думы от Бессарабской губернии [Там же, л. 3]. Тогда же был избран в депутаты III Думы и партийный шеф Гепецкого — П. Н. Крупенский [Иванов, 2010, с. 258].

3. Монархист и демократ

В Думе Гепецкий, как Крупенский и прочие члены его партии, вошел во фракцию умеренно правых. В дальнейшем в III и IV Думах Крупенский неоднократно менял свою фракционную принадлежность и о. Николай неизменно следовал за его маневрами, входя в те же думские группировки, что и лидер бессарабских центристов. Впрочем, Гепецкий не считал себя обязанным следовать позиции своего партийного шефа при всех думских голосованиях. Обозначая в начале 1908 года свою позицию на страницах «Кишиневских епархиальных ведомостей», о. Николай отмежевывался от крайне правых, характеризовал себя как представителя «думского центра» и при этом заявлял: *Когда то или иное не совпадает с моими взглядами и совестью, то я свободен от партийной дисциплины* [Гепецкий, 1908, с. 92—93]. В самом начале работы III Думы он разошелся с большинством своей фракции (включая Крупенского) в вопросе о думском адресе императору, который был принят на заседании 13 ноября 1907 года. При составлении адреса правые устами епископа Митрофана (Краснопольского) предложили внести в его заголовок официальный царский титул: «Его Императорскому Величеству, Государю Императору и Самодержцу Всероссийскому». Против этого резко выступили кадеты, считавшие, что манифестом 17 октября в России был установлен конституционный строй, а потому употребление титула «самодержец» неуместно. С кадетами солидаризировались октябристы, и думским большинством был принят адрес без полного титула в заглавии [ГД—3.1.1, стб. 133—250].

К этому адресу присоединились и умеренно правые; в принципе они считали желательным полное титулование монарха, но согласились поддержать редакцию большинства в виде компромисса [Там же, стб. 158, 194—195]. Более жесткую позицию заняли крайне правые. В знак протеста против нежелания думского большинства признать законный царский титул они отказались присоединяться к общему адресу и отправили государю отдельную телеграмму за 112 подписями; в ее тексте подчеркивались самодержавные права царя [Всепопданнейший адрес ..., 1907, с. 2]. Гепецкий, хотя и принадлежал к умеренно правым, но в вопросе об адресе солидаризировался с крайне правым крылом Думы. Интересно, что под телеграммой крайне правых на имя императора его подпись стоит первой. Впрочем, как отмечала газета «Колокол», о. Николай подписался первым «в порядке очереди губерний» (поскольку представляемая им губерния — Бессарабская — находилась в начале алфавита). Таким образом, первенство подписи Гепецкого не говорит о нем как о главном инициаторе обращения. Тем не менее именно Гепецкому как первому подписавшемуся была адресована ответная телеграмма Николая II, в которой император благодарил правых депутатов за *приветствие и верноподданнические чувства* [РГИА, ф. 1276, оп. 1, д. 34, л. 158; Телеграмма Государя Императора, 1907, с. 1; Ответ Государя ..., 1907, с. 2]. Свою позицию о. Николай мотивировал так: *Я разошелся с центром (то есть с октябристами и умеренно правыми. — И. А.) по вопросу об адресе, потому что не считал возможным отказаться титуловать Государя Императора Самодержавным Царем, ибо, во-первых, при вступлении в Думу, приносил торжественную клятву “Всероссийскому Самодержцу”, во-вторых, помняю Царя как Самодержца во время богослужения, в-третьих, отказ в этом титуле нарушает основные законы Империи, изменять которые не дано Думе* [Гепецкий, 1908, с. 93—94]. Таким образом, в данном случае Гепецкий проявил себя как последовательный монархист и сторонник самодержавия.

При этом ряд высказываний Гепецкого свидетельствует о том, что он, в отличие от крайне правых, вовсе не был противником гражданских свобод и представительных начал, внесенных в российский политический строй Манифестом 17 октября 1905 года. В речи, сказанной во время заседания Думы 25 февраля 1909 года, Гепецкий выражал убеждение, что *влиять известное содержание в <...> принципы, которые были возведены манифестом 17-го октября, это есть совместная с правительством задача народного представительства* [ГД—3.2.2, стб. 2360]. Годом ранее, 19 февраля 1908 года, при обсуждении поправок в законодательство, пред-

ложенных думской комиссией по борьбе с пьянством, Гепецкий усомнился в эффективности запретительных мер в данной сфере, указав, что русский народ пьет от горя, потому что жизнь его полна тягот и лишений. Депутат-священник предлагал посмотреть в корень проблемы, заняться улучшением материального и правового положения простого народа, принять меры к его просвещению, выражал надежду, что *Государственная Дума <...> постарается произвести местную реформу и удовлетворит земельную нужду крестьян, сделает все возможное в этом направлении; <...> реорганизует крестьянину суд и самоуправление, создаст все условия, чтобы русский народ мог почувствовать себя полноправным гражданином, мог использовать все те права, которые даны ему Государем Императором* [ГД–3.1.1, стб. 2088]. Подобные тезисы скорее похожи на риторику демократа, чем представителя правого лагеря.

4. Защитник интересов церкви и церковной школы

Главным своим делом в Думе Гепецкий считал защиту интересов церкви и полагал, что такой же приоритет должен быть у всех депутатов духовного звания. В первые месяцы работы III Думы он поддерживал идею создания внефракционной депутатской группы думского духовенства. Собственно инициатива в создании такой группы принадлежала Святейшему Синоду [Васильев, 2013, с. 4]. В качестве ее лидеров намечались двое прошедших в Думу архиереев: епископ Холмский Евлогий (Георгиевский) и епископ Гомельский Митрофан (Краснопольский). Левая пресса характеризовала активность этих иерархов в крайне неприглядном свете, изображая их своего рода надсмотрщиками от духовного ведомства, пытающимися «построить» думских священников, лишить их свободы и самостоятельности, объединив насильственно на крайне правой платформе [Огнев, 1907, с. 2]. По-видимому, не последнюю роль в попытке сколотить «духовную фракцию» играл и о. Н. Гепецкий. Отвечая в «Кишиневских епархиальных ведомостях» на нападки леволиберальной газеты «Бессарабская жизнь», отец Николай, в частности, писал: *Единственная моя «вина» заключается в том, что я стремился объединить священников депутатов, чтобы все мы были свободны от партийной дисциплины какой бы то ни было политической фракции* [Гепецкий, 1908, с. 92]. Такое объединение вполне отвечало убеждениям Гепецкого, призывавшего еще накануне выборов к «корпоративной солидарности» духовенства. План организационного сплочения думских священников в итоге успехом не увенчался. Священники разошлись по разным фракциям. Гепецкий все же полагал, что идея объединения

думского духовенства не похоронена навсегда. *И если попытка еще не увенчалась успехом, то надежда не утеряна во всяком случае* [Там же], — резюмировал о. Николай.

Епископ Евлогий, входивший вместе с Гепецким во фракцию умеренно правых, затем националистов, характеризует его как одного из «хороших ораторов» III Думы от духовного сословия [Евлогий, 1994, с. 178]. Характеристика эта дана в связи с яркими выступлениями о. Николая в защиту прав церкви в области народного образования. Вопрос народного просвещения был одним из центральных в III Думе. Один из аспектов данного вопроса заключался в том, какому типу начальной школы следует отдать приоритет. В Российской империи существовало два основных вида начальных школ: земские (содержавшиеся земствами и находившиеся в ведении Министерства народного просвещения) и церковноприходские (возглавлявшиеся священниками и находившиеся в ведении Св. Синода). При самом открытии Думы в нее поступил законопроект от Министерства народного просвещения о введении всеобщего начального образования, для чего испрашивался кредит в 6 900 000 рублей. Деньги эти должны были пойти на развитие и расширение сети земско-министерских школ. Вскоре, в декабре 1907 года, группа правых депутатов (в числе которых был и Гепецкий) внесла законопроект об отпуске 4 003 740 рублей на содержание преподавателей церковноприходских школ и открытие новых школ подобного типа [Головач, 2008, с. 27—28; Рожков, 2004, с. 130]. Против поддержки церковных школ резко выступили левые депутаты, видевшие в этих школах рассадник мракобесия и черносотенства. В то же время в бюджетной комиссии Государственной думы было высказано соображение о целесообразности создания единой сети школ под руководством Министерства народного просвещения. Это означало фактическое выведение церковных школ из-под контроля духовного ведомства. Идея «объединения школ» получила поддержку октябристов, кадетов и левых. Напротив, правые и большинство депутатов от духовенства решительно выступали за сохранение автономии церковной школы; они доказывали, что земско-министерская школа вырачивает революционеров и «космополитов», в то время как школа церковная воспитывает народ в духе русских православных начал [Рожков, 2004, с. 131—133]. Горячим защитником церковноприходской школы выступал и о. Н. Гепецкий. В отличие от крайне правых, он воздерживался от выпадов против земской школы. Напротив, в выступлении от 12 ноября 1908 года о. Николай отметил: *Я не нападаю на школу министерскую, я не позволю себе указывать на какие-либо отрицательные стороны, потому что и эти школы выполняют свое на-*

значение [ГД–3.2.1, стб. 1149]. Но сразу же после этой оговорки бессарабский священник перешел к защите церковноприходской школы, отметив, что сам является *руководителем этой школы <...>, тем лицом, которое дает в этом отношении и тон, и направление, известный характер воспитания* [Там же]. Отвечая на выпады социал-демократа Т. О. Белоусова, характеризовавшего церковноприходскую школу как «черносотенную» и выступавшего за изгнание религии из образования [Там же, стб. 741—744], Гепецкий заявил с некоторым вызовом: *Я не думаю, чтобы в этом была какая-нибудь нехорошая сторона дела, раз мы стараемся, чтобы дети воспитывались на началах и основах религии. И вот именно эту сторону дела г. Белоусов назвал черносотенной, и я, как священник, действительно должен сказать <...>: да, действительно, в этом отношении школа наша черносотенная <...> Мы ни на одну иоту не отклоним направления своего в школе <...>, потому что признаем, что вера в Бога, любовь к ближнему, искренняя любовь, преданность Государю Императору и родине — это есть та основа, без которой, по нашему мнению, не может быть русского государства* [Там же, стб. 1149—1150]. В своей весьма пространной речи, наряду с религиозно-нравственными и патристическими доводами, депутат-священник затронул экономическую сторону вопроса, с цифрами в руках доказывая, что церковная школа обходится бюджету значительно дешевле, чем земская, из чего следовало, что выделение средств на церковную школу дает большую отдачу. Гепецкий не отрицал в принципе саму возможность «объединения школ», но видел его иначе, чем думское большинство. Идеалом бессарабского священника было объединение всех начальных школ под руководством церкви, но он не призывал осуществить это немедленно, а относил на будущее, когда будет проведена реформа православного прихода, активно обсуждавшаяся в это время в Думе, церкви и обществе [Там же, стб. 1158—1161].

5 декабря 1909 года при думской комиссии по народному образованию было создано совещание по церковноприходским школам. Совещание разработало Положения о начальных училищах, согласно которым церковноприходские школы подлежали включению в общую школьную сеть, находящуюся в ведении Министерства народного просвещения. 16 марта 1910 года Положения были одобрены комиссией по народному образованию. При итоговом голосовании в комиссии голоса разделились поровну, и проект был принят благодаря голосу председателя — октябриста В. К. фон Анрепа [Никонович, 1912, с. 235—236; Рожков, 2004, с. 139—141; Седова, 2018б, с. 568]. Позднее в «Кишиневских епархиальных ведомостях» Гепецкий с горечью отмечал, что *в думской комиссии*

мы проиграли дело защиты церковных школ благодаря, ближайшим образом, предательству двух иереев [Гепецкий, 1910 а, с. 843]. Судя по всему, он имел в виду священников-депутатов Михаила Дмитриева — октябриста, и Иоанна Титова — прогрессиста. Титов поддерживал проект объединения школ, а Дмитриев при голосовании в комиссии, по одним сведениям, воздержался, по другим — тоже подал голос «за» [Никонович, 1912, с. 236—239; Рожков, 2004, с. 140]. Оба священнослужителя следовали линии своих фракций, но в глазах Гепецкого это не было оправданием. Он горячо отстаивал убеждение, что священники в Думе должны прежде всего отстаивать интересы церкви и духовенства и ставить их выше партийных установок. Позиция октябристов в церковно-школьном вопросе серьезным образом повлияла на отношение к ним думского духовенства, в том числе о. Н. Гепецкого. Конфликт с октябристами заставил Гепецкого искать точки соприкосновения с крайне правыми, от которых он ранее отрещивался, обозначая себя как «думского центриста». В 1910 году он совместно с другим священником-думцем Д. Машкевичем опубликовал в черносотенной газете «Земщина» серию статей «Письма о Думе». В «Письмах» о. Николай резко нападал на думское большинство, в частности, на октябристов за их политику в отношении церковных школ. Кроме того, Гепецкий, явно подыгрывая черносотенцам, обличал «конституционалистов» — сторонников ограничения царской власти [Гепецкий, 1910 б; Гепецкий, 1910 в; Гепецкий, 1910 г].

5. В рядах русских националистов

Усиливавшиеся расхождения Гепецкого с думским центром касались не только церковных школ, но также и конфессионального законодательства. При обсуждении вероисповедных законопроектов, в частности, о старообрядческих общинах и о переходе из одного вероисповедания в другое о. Николай решительно возражал против предоставления старообрядцам и иноверцам свободы активного прозелитизма (проповеди своего учения), за что выступали октябристы и левые. Бессарабский священник настаивал, что право распространения собственного учения должно сохраняться лишь за православной церковью. Именно в прениях по вероисповедному вопросу 26 мая 1909 года Гепецкий впервые обозначил себя с думской трибуны как русского националиста. Охрану преимуществ православной церкви он увязал с защитой прав русской народности: *В самом деле, ведь известно, что слово «православный» стало синонимом слова «русский», слово «католик» — синонимом слова «поляк», слово «последователь иудаизма» — синонимом слова «еврей». Если, господа, вы видите,*

*что с левых скамей так рьяно, так стремительно нападают на Православную Церковь, <...> на духовенство, которое именно стоит всегда на страже национальных интересов православного русского народа, то, господа, большинство Государственной Думы, да послужит это для вас тем угрожающим моментом, который должен заставить вас отнестись с бóльшим доверием к нашим словам. <...> Мне кажется, что именно в последнее время мы, как будто, начинаем страдать одним крупным недостатком <...> Русские люди, из чувства ложного страха или стыда, как будто боятся того, чтобы громко сказать, что мы — русские люди, что мы стоим на здоровом русском национализме, который, замечу от себя, не исключает возможности, чтобы и всякие другие нации и жили, и существовали, и верили так, как они признают это себе возможным, но мы же должны громко сказать, что не можем поступиться ни пядью своих русских национальных интересов [ГД–3.2.4, стб. 2029]. Из тезиса о тесной связи религиозной и национальной идентичности о. Гепецкий делал вывод, что свободная пропаганда инославных и иноверных учений угрожает безопасности России: *Отвращение от православия — это есть отвращение от всего русского, <...> от русской государственности* [Там же, стб. 2030].*

Слова о неразрывности православия и «русскости» звучали, казалось бы, парадоксально из уст человека, который, будучи православным, был по происхождению не русским, а этническим молдаванином (во всяком случае, так о. Николай себя обозначил в депутатской анкете [РГИА, ф. 1278, оп. 9, д. 176, л. 1]). Однако противоречие снимается, если предположить, что священник из Бессарабии понимал под словом *русский* не узкоэтническую, а имперскую идентичность, включая в эту категорию тех, кто был приверженцем русской культуры и национально-государственной идеи. В «Письмах о Думе» Гепецкий также будет причислять себя к *носителям здорового русского национализма, покоящегося на корнях народной жизни* [Гепецкий, 1910б, с. 2].

Имперский национализм Гепецкого проявился, например, в ходе дискуссий в Государственной думе по поводу языка преподавания в инородческой школе, происходивших в ноябре 1910 года. Тогда был поднят вопрос о языке преподавания в начальных школах Бессарабии. Д. П. Гулькин, русский крестьянин-старообрядец, избранный в III Думу от Бессарабской губернии как член Союза русского народа, но затем порвавший с правыми и ставший беспартийным [Гросу, 2011, с. 53—68; Гулькин..., 2008, с. 152—153], убежденно отстаивал необходимость обучения молдаван на родном языке [ГД–3.4.1, стб. 1084—1087]. Против инициативы

Гулькина выступили другие депутаты от Бессарабии, особенно горячо выступал Гепецкий, настаивавший на использовании в бессарабских школах русского языка в качестве базового. Он, в частности, заявлял: *Мы, бессарабцы, стремимся изучать русский язык, а вы даете нам школу на чисто молдавском языке* [Там же, стб. 1241], — что, по мнению священника, лишало молдаван возможности продолжать образование в российских учебных заведениях. *Мы стремимся к вам, мы уже приобщились, а вы хотите отдать нас назад для того, чтобы мы оставались в полном невежестве* [Там же, стб. 1242]. Возникла парадоксальная ситуация: великоросс Гулькин выступал за перевод бессарабских школ на молдавский язык, а молдаванин Гепецкий — за русский как основной язык обучения. В итоге сторонники русского языка одержали верх [Там же, стб. 1279].

О. Николай обозначил себя националистом именно тогда, когда русский национализм при поддержке правительства П. А. Столыпина начал превращаться в весомую политическую силу. 25 октября 1909 года думские фракции националистов и умеренно правых объединяются, образовав единую русскую национальную фракцию, которая представляла в Думе Всероссийский национальный союз (далее — ВНС) [Санькова, 2006, с. 50—51]. В состав ВНС влилась и Бессарабская партия центра. П. Н. Крупенский стал одним из лидеров русского национализма, а его протеже Гепецкий — одним из видных представителей русской национальной фракции. Однако, когда в 1911 году Крупенский, войдя в конфликт с другими лидерами националистов и Столыпиным из-за закона о западных земствах, покинул ВНС и русскую национальную фракцию, Гепецкий последовал за ним. Работу в III Думе о. Николай закончил как член созданной Крупенским небольшой фракции «независимых националистов» [Там же, с. 124]. Деятельность Гепецкого в Государственной думе, судя по всему, пользовалась одобрением епархиального начальства. В 1913 году он получил сан протоиерея. Сохранял о. Николай и свою репутацию верноподданного монархиста, потому неудивительно, что в 1912 году (год столетнего юбилея присоединения Бессарабии к России) он дважды, 8 июня и 12 декабря, удостоивался высочайшей награды в виде именного портрета государя императора и августейшей семьи [РГИА, ф. 796, оп. 436, д. 1648, л. 1об.].

При открытии IV Думы Гепецкий вошел в созданную Крупенским фракцию центра. В 1915 году он вместе с Крупенским и его соратниками вошел в Прогрессивный блок, а в 1917 году стал комиссаром Временного правительства в Бессарабии [Николаев, 1995, с. 57; Николаев, 2008, с. 125]. На Чрезвычайном собрании духовенства и мирян Кишиневской епархии в апреле 1917 года о. Николай произносил речи, соответствующие духу ре-

волюционного времени, например, о *золотой поре для каждой нации*, наставшей с прекращением *произвола старого режима* [Чрезвычайное епархиальное собрание ..., 1917, с. 38]. Такого рода «полевение» не было чем-то уникальным, в революционный период и накануне его оно затронуло многих представителей правого лагеря (но это не означало, что прежний их монархизм был сугубо конъюнктурен). Вернувшись из Бессарабии, Гепецкий в августе 1917 года принимал участие в Государственном совещании в Москве. 9 октября 1917 года стал членом Поместного собора Православной Российской церкви как представитель от Государственной думы, но после Октябрьской революции вновь уехал в Бессарабию, вскоре оккупированную Румынией. О. Николай скончался после продолжительной болезни в селе Старо-Казачьем 10 сентября 1920 года [Николаев, 2008, с. 125; Убитые горем..., 1920, с. 1].

6. Заключение

Обрисовывая в «Письмах из Думы», какими он видит идеальных российских законодателей, Николай Гепецкий писал: *Такие люди не мнят себя гражданами мира, а гражданами милой дорогой России. Для таких людей основы бытия русской государственности, — действительно, может быть, и своеобразной, — составляют предмет самой живой, деятельной веры <...>. Такие люди — глубоко национальны, демократичны в лучшем смысле и значении этого слова* [Гепецкий, 1910 в, с. 2]. Здесь хорошо отражено политическое кредо самого о. Николая: он был одновременно националистом — сторонником российской великодержавности, доминирования во всех регионах империи русского языка и культуры, — и демократом — сторонником расширения народного самоуправления, просвещения, гражданских прав. Демократизм у Гепецкого в период III Думы сочетался с монархизмом, защитой принципа самодержавия, что роднит его со славянофилами, выдвигавшими концепцию: «царю — власть, народу — мнение». Также можно назвать о. Николая адептом политического клерикализма. Он хотел, чтобы российское духовенство было политически активным, полагал, что священнослужители в Государственной думе должны прежде всего защищать интересы церкви как «корпорации», ставя их выше партийных предпочтений.

Примечательна еще одна характеристика образцового русского политика с точки зрения Гепецкого: *Эти люди не сантиментальны: они представляют действительность так, как она есть, т. е. трезво* [Там же]. Действительно, сам Гепецкий, обладая определенными убеждениями, вовсе не был романтиком-идеалистом в политике. Его послушное следова-

ние за всеми политическими маневрами бессарабского магната Крупенского можно счесть конъюнктурностью и карьеризмом. Вместе с тем оно может быть названо и проявлением «реальной политики» как «искусства возможного». Вероятно, о. Николай понимал, что лишь хорошие отношения с влиятельнейшим в Бессарабской губернии политическим кланом позволят ему переизбираться в следующие составы Думы и защищать там церковные интересы. Сельский священник Гепецкий не обладал такими возможностями, как богатый помещик В. М. Пуришкевич, который, поссорившись с «хозяевами» Бессарабии — Крупенскими, купил имение в Курской губернии, чтобы избраться в IV Думу оттуда [Иванов, 2018а, с. 361—363]. К проявлениям «реальной политики» можно отнести и периодические реверансы Гепецкого, правоцентриста по идейным установкам, в сторону черносотенцев. Ведущая сила думского центра — октябристы — глубоко разочаровала о. Николая своей позицией в церковно-школьном вопросе, в то время как крайне правые стояли за церковную школу твердо. Потому, не разделяя черносотенных взглядов, Гепецкий готов был к взаимодействию с крайне правыми во имя защиты прав церкви.

Источники и принятые сокращения

1. *Всеподданнейший* адрес крайних правых // Голос Москвы. — 16.11.1907. — № 266. — С. 2.
2. ГД–3.1.1 — *Государственная* Дума. Стенографические отчеты. Созыв III. Сессия 1. Ч. I. — Санкт-Петербург : Государственная типография, 1908. — 2142 стб.
3. ГД–3.2.1 — *Государственная* Дума. Стенографические отчеты. Созыв III. Сессия 2. Ч. I. Санкт-Петербург : Государственная типография, 1908. — 3152 стб.
4. ГД–3.2.2 — *Государственная* Дума. Стенографические отчеты. Созыв III. Сессия 2. Ч. II. — Санкт-Петербург : Государственная типография, 1909. — 3246 стб.
5. ГД–3.2.4 — *Государственная* Дума. Стенографические отчеты. Созыв III. Сессия 2. Ч. IV. — Санкт-Петербург : Государственная типография, 1909. — 3476 стб.
6. ГД–3.4.1 — *Государственная* Дума. Стенографические отчеты. Созыв III. Сессия 4. Ч. I. — Санкт-Петербург : Государственная типография, 1910. — 3368 стб.
7. Гепецкий, 1910а — *Гепецкий Н.* Письма о Государственной Думе / Н. Гепецкий, Д. Машкевич // Кишиневские епархиальные ведомости. — 23.05.1910. — № 21. — С. 843—854.
8. Гепецкий, 1910б — *Гепецкий Н.* Письма о Думе. I / Н. Гепецкий // Земщина. — 07.04.1910. — № 266. — С. 2.
9. Гепецкий, 1910в — *Гепецкий Н.* Письма о Думе. II / Н. Гепецкий // Земщина. — 17.04.1910. — № 276. — С. 2.

10. Гепецкий, 1910г — *Гепецкий Н.* Письма о Думе. IV / Н. Гепецкий // Земщина. — 07.05. 1910. — № 294. — С. 2.
11. *Гепецкий Н.* Письмо в редакцию / Н. Гепецкий // Кишиневские епархиальные ведомости. — 20.01.1908. — № 3. — С. 92—94.
12. *Гепецкий Н.* Участие духовенства в предстоящих выборах в Государственную Думу / Н. Гепецкий // Кишиневские епархиальные ведомости. — 05.08.1907. — № 31. — С. 985—991.
13. *Евлогий* (Георгиевский), митр. Путь моей жизни : Воспоминания Митрополита Евлогия (Георгиевского), изложенные по его рассказам Т. Манухиной / Митрополит Евлогий (Георгиевский). — Москва : Московский рабочий, 1994. — 622 с.
14. *Никонович Ф. И.* Из дневника члена Государственной думы от Витебской губернии протоиерея о. Феодора Никоновича / Ф. И. Никонович. — Витебск : Витебская губ. типография, 1912. — 272 с.
15. *Н. Л.* Некролог / Н. Л. // Кишиневские епархиальные ведомости. — 1885. — № 9. — С. 236—239.
16. *Огнев Н.* Положение священников-депутатов 3 Государственной думы / Н. Огнев // Бессарабская жизнь. — 01.12.1907. — № 272 (936). — С. 2.
17. *Ответ* Государя на всеподданнейший адрес // Голос Москвы. — 20.11.1907. — № 269. — С. 2.
18. РГИА — *Российский* государственный исторический архив. Ф. 796. Оп. 436. Д. 1648. Л. 1–4 ; Ф. 1278. Оп. 9. Д. 176. Л. 4; Ф. 1278. Оп. 9. Д. 176. Л. 3; Ф. 1278. Оп. 9. Д. 176. Л. 1; Ф. 1276. Оп. 1. Д. 34. Л. 158.
19. *Савицкий С.* Отрывок из воспоминаний о прошлом Бессарабского края / С. Савицкий // Кишиневские епархиальные ведомости. — 28.10.1912. — № 43. — С. 1239—1250.
20. *Телеграмма* Государя Императора // Колокол. — 20.11.1907. — № 532. — С. 1.
21. *Убитые* горем жена, дочь, сын и сестра с глубоким прискорбием извещают о смерти горячо любимого мужа, отца и брата протоиерея о. Николая Гепецкого // Новая жизнь (г. Аккерман). — 12.09.1920. — № 98. — С. 1.
22. *Чрезвычайное* епархиальное собрание духовенства и мирян Кишиневской епархии, состоявшееся в г. Кишиневе 19—25 апреля 1917 г. — Кишинев : Епархиальная типография, 1917. — 81 с.

Литература

1. *Васильев И. А.* Православное духовенство в III Государственной Думе Российской империи / И. А. Васильев // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 14. Право. — 2013. — № 1. — С. 3—8.
2. *Головач Е. И.* Вопросы народного образования в третьей Государственной Думе / Е. И. Головач // Веснік Мазырскага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта імя І. П. Шамякіна. — 2008. — № 3 (20). — С. 27—30.
3. *Гросу А. К.* Молдавский великоросс : бессарабский феномен в Государственной Думе Российской Империи / А. К. Гросу. — Chişinău : “Nova-Imprim” SRL, 2011. — 164 с.

4. *Гулькин* Дионисий Петрович // Государственная дума Российской империи : 1906—1917 : энциклопедия / ответственный редактор В. В. Шелохаев. — Москва : РОССПЭН, 2008. — С. 152—153.
5. *Иванов А. А.* Были ли русские националисты черносотенцами? (О статье И. В. Омелянчука) / А. А. Иванов // Вопросы истории. — 2008. — № 11. — С. 171—175.
6. *Иванов А. А.* «Дело чести» : Депутаты Государственной думы и дуэльные скандалы (1906—1917) / А. А. Иванов. — Санкт-Петербург : Владимир Даль, 2018. — 634 с.
7. *Иванов А. А.* Крупенский Павел Николаевич / А. А. Иванов // Русский консерватизм середины XVIII — начала XX века : энциклопедия / ответственный редактор В. В. Шелохаев. — Москва : РОССПЭН, 2010. — С. 258—259.
8. *Иванов А. А.* Православное духовенство и русский национализм в начале XX в. / А. А. Иванов, А. А. Чемакин // Вопросы истории. — 2018. — № 9. — С. 153—166.
9. *Коцюбинский Д. А.* Русский национализм в начале XX столетия : Рождение и гибель идеологии Всероссийского национального союза / Д. А. Коцюбинский. — Москва : РОССПЭН, 2001. — 528 с.
10. *Николаев А. Б.* Гепецкий Николай Емельянович / А. Б. Николаев // Государственная дума Российской империи : 1906—1917 : энциклопедия / ответственный редактор В. В. Шелохаев. — Москва : РОССПЭН, 2008. — С. 125.
11. *Николаев А. Б.* Комиссары Временного комитета Государственной думы (февраль-март 1917 г.) : персональный состав / А. Б. Николаев // Из глубины времен. — 1995. — № 5. — С. 46—74.
12. *Рожков В., прот.* Церковные вопросы в Государственной Думе / Прот. В. Рожков. — Москва : Издательство Крутицкого подворья ; Общество любителей церковной истории, 2004.
13. *Санькова С. М.* Русская партия в России : образование и деятельность Всероссийского национального союза (1908—1917) / С. М. Санькова. — Орел : Изд. Светлана Зенина, 2006. — 370 с.
14. *Седова Я. А.* Октябрьский режим / Я. А. Седова. — Москва : Алгоритм, 2018. — Т. 1 — 1054 с.
15. *Седова Я. А.* Октябрьский режим / Я. А. Седова. — Москва : Алгоритм, 2018. — Т. 2 — 1096 с.

Priest Nikolay Gepetsky — Russian Nationalist and Church Interests Defender in State Duma¹

© **Ivan V. Ambartsumov (2019)**, orcid.org/0000-0001-9831-5745, PhD in History, associate professor, Department of History for Teaching at Faculties of Natural Sciences and Humanities, Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russia), ivanrusk@mail.ru.

1 The study is financially supported by RFBR within scientific project 19-09-00096 “Russian Orthodox clergy and Russian nationalism in the late 19th — early 20th century.”

The political activities and attitudes of the priest N. Gepetsky during his work as a member of the III State Duma of the Russian Empire are discussed. Attention is paid to Gepetsky's position on a number of issues discussed in the Duma, including the question of the address of gratitude to the Emperor, the fight against drunkenness, the development of primary education, the rights of non-Orthodox religions, the language of teaching in Bessarabia primary schools. Special attention is paid to Gepetsky's efforts to unite politically the Duma clergy, his struggle for the independence of the parish school, speeches and articles of the deputy-priest, in which he presented himself as a Russian nationalist. The relevance of the study is due to the growing public interest in the problem of relations between the Church and the state, acute discussions about the role of religion in education, the problem of the relationship between Christianity and nationalism. Novelty of research consists in that it is the first work specifically devoted to N. Gepetsky. It for the first time provides an analysis of his political views, new sources are introduced in the scientific circulation, including Gepetsky's articles in the press, archival documents, reflecting his career in the Church and activity in the Duma.

Key words: III State Duma; Orthodox clergy; Russian nationalism; clericalism; Church parish schools; Bessarabia; national policy; N. E. Gepetsky; P. N. Krupensky.

Material resources

- Chrezvychaynoye yeparkhialnoye sobraniye dukhovenstva i miryan Kishinevskoy yeparkhii, sostoyavsheyesya v g. Kishineve 19—25 aprelya 1917 g.* (1917). Kishinev: Eparkhialnaya tipografiya. (In Russ.).
- Evlogiy (Georgiyevskiy), mitr. (1994). *Put' moyey zhizni: Vospominaniya Mitropolita Evlogiya (Georgiyevskogo), izlozhennyye po yego rasskazam T. Manukhinoy.* Moskva: Moskovskiy rabochiy. (In Russ.).
- GD–3.1.1 (1908). — *Gosudarstvennaya Duma. Stenograficheskiye otchety. Sozvy III. Sessiya 1, I.* Sankt-Peterburg: Gosudarstvennaya tipografiya. (In Russ.).
- GD–3.2.1 (1908). — *Gosudarstvennaya Duma. Stenograficheskiye otchety. Sozvy III. Sessiya 2, I.* Sankt-Peterburg: Gosudarstvennaya tipografiya. (In Russ.).
- GD–3.2.2 (1909). — *Gosudarstvennaya Duma. Stenograficheskiye otchety. Sozvy III. Sessiya 2, II.* Sankt-Peterburg: Gosudarstvennaya tipografiya. (In Russ.).
- GD–3.2.4 (1909). — *Gosudarstvennaya Duma. Stenograficheskiye otchety. Sozvy III. Sessiya 2, IV.* Sankt-Peterburg: Gosudarstvennaya tipografiya. (In Russ.).
- GD–3.4.1 (1910). — *Gosudarstvennaya Duma. Stenograficheskiye otchety. Sozvy III. Sessiya 4, I.* Sankt-Peterburg: Gosudarstvennaya tipografiya. (In Russ.).
- Gepetskiy, N. (1907). Uchastiye dukhovenstva v predstoyashchikh vyborah v Gosudarstvennuyu Dumu. In: *Kishinevskiy eparkhialnyye vedomosti*, 31: 985—991. (In Russ.).
- Gepetskiy, N. (1908). Pismo v redaktsiyu. In: *Kishinevskiy eparkhialnyye vedomosti*, 3: 92—94. (In Russ.).
- Gepetskiy, N., Mashkevich, D. (1910 a). Pisma o Gosudarstvennoy Dume. In: *Kishinevskiy eparkhialnyye vedomosti*, 21: 843—854. (In Russ.).
- Gepetskiy, N. (1910b). Pisma o Dume, I. In: *Zemshchina*, 266: 2. (In Russ.).
- Gepetskiy, N. (1910v). Pisma o Dume, II. In: *Zemshchina*, 276: 2. (In Russ.).
- Gepetskiy, N. (1910g). Pisma o Dume, IV. In: *Zemshchina*, 294: 2. (In Russ.).

- Nikonovich, F. I. (1912). *Iz dnevnika chlena Gosudarstvennoy dумы ot Vitebskoy gubernii protoiyereya o. Feodora Nikonovicha*. Vitebsk: Vitebskaya gub. tipografiya. (In Russ.).
- N. L. (1885). Nekrolog. In: *Kishinevskiyе eparkhialnyye vedomosti*, 9: 236—239. (In Russ.).
- Ognev, N. (1907). Polozheniye svyashchennikov-deputatov 3 Gosudarstvennoy dумы. In: *Bessarabskaya zhizn'*, 272 (936): 2. (In Russ.).
- Otvét Gosudarya na vsepoddanneyshiy adres. (1907). In: *Golos Moskvy*, 269: 2. (In Russ.).
- RGIA — *Rossiyskiy gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv*. F. 796. Op. 436. D. 1648. L. 1—4; F. 1278. Op. 9. D. 176. L. 4; F. 1278. Op. 9. D. 176. L. 3; F. 1278. Op. 9. D. 176. L. 1; F. 1276. Op. 1. D. 34. L. 158. (In Russ.).
- Savitskiy, S. (1912). Otryvok iz vospominaniy o proshlom Bessarabskogo kraya. In: *Kishinevskiyе eparkhialnyye vedomosti*, 43: 1239—1250. (In Russ.).
- Telegramma Gosudarya Imperatora. (1907). In: *Kolokol*, 532: 1. (In Russ.).
- Ubityye gorem zhena, doch', syn i sestra s glubokim priskorbnyem izveshchayut o smerti goryacho lyubimogo muzha, ottsa i brata protoiyereya o. Nikolaya Gepetskogo. In: *Novaya zhizn'* (g. Akkerman), 98: 1. (In Russ.).
- Vsepoddanneyshiy adres krainikh pravyykh. (1907). In: *Golos Moskvy*, 266: 2. (In Russ.).

References

- Golovach, E. I. (2008). Voprosy narodnogo obrazovaniya v tretey Gosudarstvennoy Dume. *Mazyrskaya dzyarzhaynaga pedagogichnaga yuniversiteta imya I. P. Shamyakina*, 3 (20): 27—30. (In Russ.).
- Grosu, A. K. (2011). *Moldavskiy velikoross: bessarabskiy fenomen v Gosudarstvennoy Dume Rossiyskoy Imperii*. Chişinău: “Nova-Imprim” SRL. (In Russ.).
- Gulkin Dionisiy Petrovich. (2008). *Gosudarstvennaya дума Rossiyskoy imperii: 1906—1917: entsiklopediya*. Moskva: ROSSPEN. 152—153. (In Russ.).
- Ivanov, A. A. (2008). Byli li russkiye natsionalisty chernosotentsami? (O statye I. V. Omelyanchuka). *Voprosy istorii*, 11: 171—175. (In Russ.).
- Ivanov, A. A. (2010). *Krupenskiy Pavel Nikolaevich. Russkiy konservativizm serediny XVIII — nachala XX veka: entsiklopediya*. Moskva: ROSSPEN. 258—259. (In Russ.).
- Ivanov, A. A. (2018). «*Delo chesti*»: *Deputaty Gosudarstvennoy dумы i duelnyye skandaly (1906—1917)*. Sankt-Peterburg: Vladimir Dal'. (In Russ.).
- Ivanov, A. A., Chemakin, A. A. (2018). Pravoslavnoye dukhovenstvo i russkiy natsionalizm v nachale XX v. *Voprosy istorii*, 9: 153—166. (In Russ.).
- Kotsyubinskiy, D. A. (2001). *Russkiy natsionalizm v nachale XX stoletiya: Rozhdeniye i gibel' ideologii Vserossiyskogo natsionalnogo soyuza*. Moskva: ROSSPEN. (In Russ.).
- Nikolaev, A. B. (1995). Komissary Vremennogo komiteta Gosudarstvennoy dумы (fevral-mart 1917 g.): personalnyy sostav. *Iz glubiny vremen*, 5: 46—74. (In Russ.).

- Nikolayev, A. B. (2008). Gepetskiy Nikolay Emelyanovich. In: *Gosudarstvennaya дума Rossiyskoy imperii: 1906—1917: entsiklopediya*. Moskva: ROSSPEN. (In Russ.).
- Rozhkov, V., prot. (2004). *Tserkovnyye voprosy v Gosudarstvennoy Dume*. Moskva: Izdatelstvo Krutitskogo podvorya; Obshchestvo lyubiteley tserkovnoy istorii. (In Russ.).
- Sankova, S. M. (2006). *Russkaya partiya v Rossii: obrazovaniye i deyatelnost' Vserossiyskogo natsionalnogo soyuza (1908—1917)*. Orel: Izd. Svetlana Zenina. (In Russ.).
- Sedova, Ya. A. (2018). *Oktyabrcheskiy rezhim, 1*. Moskva: Algoritm. (In Russ.).
- Sedova, Ya. A. (2018). *Oktyabrcheskiy rezhim, 2*. Moskva: Algoritm. (In Russ.).
- Vasilyev, I. A. (2013). Pravoslavnoye dukhovenstvo v III Gosudarstvennoy Dume Rossiyskoy imperii. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 14. Pravo, 1*: 3—8. (In Russ.).